

Вечерний сумрак уже опустился на Хогвартс, когда Гарри Поттер, с неохотой, но всё же с видимым старанием, вошёл в кабинет Долорес Амбридж. — Добрый вечер, мистер Поттер, — пропела Амбридж, широко растянув губы в улыбке, напоминающей оскал жабы. — Добрый вечер, профессор Амбридж, — ответил Гарри, стараясь сохранять спокойствие. По дороге сюда он решил, что нужно вести себя с ней максимально цивилизованно. Пока, по крайней мере, у него это получалось. — Пожалуйста, садитесь, — Амбридж указала на стул. — Сегодня вечером вы будете писать для меня строки. О, нет, нет, — остановила она Гарри, когда он потянулся за пером. — Она встала со своего места и, подойдя к Гарри, протянула ему тонкое, словно игла, черное перо. Гарри заметил, что кончик пера был острее, чем у любого другого пера, которое он когда-либо видел, но лишь пожал плечами. — Тогда иди, — сказала Амбридж, с хищной улыбкой наблюдая за Гарри. — Но вы не дали мне чернил. Должен ли я использовать свои собственные? — спросил Гарри, изо всех сил стараясь звучать вежливо. — О, чернила вам не понадобятся. Вы напишете: "Я не должен говорить ложь", — Амбридж снова улыбнулась, в её глазах блеснул холодный огонёк. — Сколько раз? — спросил Гарри, чувствуя, как внутри нарастает тревога. — Думаю, до тех пор, пока послание не станет понятным. А теперь, будьте добры... — Амбридж кивнула, словно давая команду. Гарри, сжав зубы, приложил перо к пергаменту и начал выводить слова, которые ему было приказано написать. Внезапно, на тыльной стороне его руки возник сильный зуд. Казалось, что перо само чернило, потому что на пергаменте темно-красными чернилами уже появились слова, которые он должен был написать: "Я не должен говорить ложь". Гарри написал еще две строчки, с каждым разом зуд становился всё более назойливым, пока на четвертой строчке он не превратился в жгучую боль. Гарри, в ужасе, отдернул руку и посмотрел на неё. Его собственный почерк, выведенный той же темно-красной краской, повторял слова, которые он писал на пергаменте. Гарри присмотрелся к чернилам и, с ужасом, понял, что это его собственная кровь. Он уставился на перо, а затем на Амбридж, которая всё так же сидела за столом, с отвратительной, милой улыбкой на лице. — Что это? — рявкнул Гарри, глядя на Амбридж с гневом и страхом. — Какие-то проблемы? — сладко спросила Амбридж, её глаза блестели зловещим светом. — Да, есть проблема! Что это за штука? Это не может быть законным! — Гарри был в ярости. — Уверю вас, это вполне допустимо, — Амбридж говорила твердо, с презрительной ухмылкой. — Правда? Тогда вы не будете возражать, если я спрошу профессора МакГонагалл, не так ли? — Гарри вскочил со стула и направился к двери. Он уже протянул руку к ручке, как его тело внезапно застыло, словно окаменело. Руки и ноги сжались, он рухнул на пол с глухим ударом. Через мгновение он почувствовал, что его переворачивают, и над ним нависла Амбридж, с холодной, жестокой улыбкой на лице. — Давайте сразу же проясним одну вещь, мистер Поттер, — Амбридж говорила холодно, её голос был похож на скрип не смазанной двери. — Я не потерплю плохого поведения ни от кого. Я здесь не потому, что профессор Дамблдор попросил меня быть здесь. Я здесь потому, что так хочет министр магии. Поэтому за мной стоит все Министерство. Поэтому, если вы захотите распространить свою злобную ложь обо мне среди других преподавателей в тщетной надежде избавиться от меня, постарайтесь помнить, что Министерство будет прислушиваться именно к моему слову. А теперь, если хотите, можете отбыть остаток срока заключения здесь, со мной, или я могу отправить письмо министру Фаджу и позаботиться о вашем исключении из Хогвартса. Гарри хотелось броситься на Амбридж, вцепиться в её горло и сжимать его до тех пор, пока её глаза не выскочат из жирной головы, но он понял, что пока ему придётся подчиниться. Амбридж ослабила свои чары, и Гарри, скрипя зубами от ненависти, вернулся на своё место и продолжил наказание. Он чувствовал, как ненависть к этой женщине, словно раскалённый металл, вплавляется в его душу. Амбридж наблюдала за ним, словно за сочной мухой, которую ей не терпится поймать и съесть. Гарри старался не издавать ни звука, который мог бы выдать его мучения. Три с половиной часа Гарри царапал пергамент, а через него, и свою руку. С каждой буквой его ненависть к Амбридж становилась всё глубже. Наконец, Амбридж встала из-за стола и взяла его руку в свою, чтобы осмотреть повреждения. — А, я вижу, вы начинаете понимать, о чем

идет речь, — Амбридж улыбнулась, словно довольная кошка, поймавшая мышь. — Завтра вечером, в то же время. Вы свободны. — Спокойной ночи, мистер Поттер, — Амбридж кивнула и отвернулась. Гарри лишь бросил презрительный взгляд на эту мерзкую жабу и, выйдя из кабинета, направился в свою комнату. Он хотел пойти к МакГонагалл, но угрозы Амбридж всё ещё звучали в его ушах. Неужели она действительно может исключить его из Хогвартса? И что с ним будет, если ей это удастся? Вернётся ли он к Дурслям или сможет остаться с Сириусом? Эти вопросы крутились в его голове, пока он поднимался в общежитие. Войдя в комнату, он увидел Гермиону, сидящую перед камином. Она подняла голову и слабо улыбнулась, когда он сел рядом. — Как прошло твоё задержание? — тихо спросила она. — Это было... — Гарри хотел рассказать ей всё, но угрозы Амбридж заставили его замолчать. — Отлично. Ничего страшного. — Что она заставила тебя сделать? — спросила Гермиона, возвращаясь к своей книге. — Линии, — Гарри сказал, сдерживая стон от боли в руке. — Это не так уж плохо, — Гермиона говорила мягко. — Нет, — согласился Гарри, но его голос звучал натянуто. — Гарри, я хотела сказать тебе раньше, но из-за всего, что произошло сегодня, у меня не было возможности, — Гермиона положила книгу и посмотрела на Гарри. — Что? — Гарри удивлённо поднял глаза. Гермиона улыбнулась. — Та девочка за обедом, сестра Дафны. Она сказала правду. Дафне ты нравишься. Я спросила её об этом сегодня на Рунах, и ты ей действительно нравишься. Гарри вздрогнул, он был застигнут врасплох. — Дело в том, что она хочет узнать тебя получше. Она хочет попробовать построить с тобой настоящие отношения, — Гермиона говорила серьёзно. — Хорошо... — Гарри был ошеломлен, он не знал, что и сказать. — Я думаю, ты должен дать ей шанс, — Гермиона говорила с уверенностью. — Есть не так много девушек, которых заинтересует настоящий Гарри, но я думаю, что Дафна — одна из них. Я знаю, что тебе нравится Чо, и всё такое, но подумай об этом, хорошо? — Конечно, — Гарри кивнул, вспоминая, как Сириус говорил практически то же самое перед началом учебного года. — А ты? — спросил Гарри, повернувшись к Гермионе. — Я думаю, она милая, но мне не очень нравятся девушки, — Гермиона пожала плечами. — Ты знаешь, о чём я. Гарри улыбнулся и ткнул Гермиону в бок. Она издала небольшой крик и ударила его книгой по руке. Гарри вырвал у неё книгу и отбивался от неё, пока она не успокоилась. — Итак, как насчет этого. Теперь ты знаешь о мальчике, которому ты, очевидно, нравишься, — Гарри поддразнил Гермиону. — Я знаю, и Невилл достаточно милый человек, но я действительно не знаю, — Гермиона смутилась. — Может быть, тебе стоит провести с ним некоторое время и посмотреть, что из этого выйдет. По крайней мере, у тебя может появиться очень хороший друг, — предложила Гермиона, глядя на Гарри с сочувствием. — Наверное, — вздохнула она, словно отягощенная невидимым грузом. — Мне просто не хотелось бы привязывать его к себе или что-то в этом роде. Гарри кивнул, улыбаясь своей верной подруге. — Ты поступишь правильно, — сказал он, поднимаясь на ноги. — Для вас обоих. Портретная дверь распахнулась, и оба друга повернулись, чтобы увидеть Рона, входящего в комнату с метлой в руках. — О, привет! — сказал он, выглядя немного виноватым. Гарри уже собирался отправиться в постель, но Рон окликнул его. — Я... я не должен был тебя бить. Прости меня за это, — пробормотал Рон, подходя ближе. — Я не должен был сравнивать тебя с Малфоем, — добавил он, словно пытаясь исправить свою ошибку. Гарри засунул руки в карманы, слегка поморщившись от того, что ткань задевает порезы. Он не заметил, как Гермиона с любопытством посмотрела на его руки. — Амбридж не была слишком строга с тобой, правда? — спросил Рон, пытаясь разрядить обстановку. Гарри покачал головой, на его лице появилась едва заметная улыбка. — Рон, ты был моим лучшим другом с первого курса, и я не могу представить себе жизнь без тебя. Но если ты не перестанешь быть таким чертовски упрямым и незрелым, однажды ты скажешь что-то такое, что не сможешь взять назад, и нашей дружбе придет конец. Ты должен повзрослеть, иначе ты можешь остаться позади, приятель, — сказал Гарри, сдерживая свой гнев. Рон опустил глаза и слабо кивнул. — Я иду спать, — прошептал он, проходя мимо Гарри и направляясь вверх по лестнице. Гарри смотрел ему вслед, чувствуя себя неловко из-за своих слов, но понимая, что это необходимо было сделать. — Молодец, Гарри, — сказала Гермиона, вставая с дивана и подходя к нему. —

Тогда почему я чувствую себя полным кретином? — Ему нужно было это услышать, и это действительно должно было исходить от тебя, иначе он бы вообще не слушал, — ответила Гермиона, словно успокаивая себя. Тут она удивила его, вцепившись в его запястье и вытаскивая руку из кармана, чтобы осмотреть ладонь. Гарри отдернул ее, но не раньше, чем Гермиона смогла хорошенько рассмотреть ее. — Я думала, ты сказал, что она заставляет тебя делать линии? — спросила Гермиона, с неподдельным ужасом глядя на его руку. — Так и есть, — сказал Гарри, потирая больную руку. — Она заставляет меня использовать это странное перо, которое режет мне руку и пишет моей кровью. Гарри поморщился, вспоминая о мучительной процедуре. — Гарри, ты должен рассказать профессору МакГонагалл, — забеспокоилась Гермиона. — Я пытался, — почти крикнул Гарри. — Я встал из-за стола и собирался отнести перо МакГонагалл, но она наложила на меня проклятие связывания тела. Она сказала мне, что за ней стоит все Министерство, и что это будет мое слово против ее слова, и что она может исключить меня. Гарри расстроено взъерошил руками волосы. — Она поймала меня, Гермиона. Я должен играть в ее игру, иначе она вышвырнет меня отсюда, — сказал он, чувствуя себя беспомощным. Гермиона села, ее ноги ослабли, и она поднесла руку ко рту в отвращении от того, что только что услышала. — Я могу это сделать, Гермиона, — храбро сказал Гарри. — Меня пытал Волдеморт. Это... — Гарри улыбнулся, подняв руку. — Это ничто. — Если тебе нужна помощь... — сказала Гермиона, вытирая сердитые слезы, заливающие ее нежные карие глаза. — Если у тебя есть время, я могу помочь тебе с домашним заданием на завтра? — У тебя есть, — ответила она, слабо улыбаясь. Гарри одарил ее одной из своих фирменных однобоких ухмылок, а затем отправился спать, оставив ее одну в общей комнате. Гермиона была более чем зла на Амбридж. Она не только не собиралась учить их магии, не только шпионила за Дамблдором и пыталась посеять раздор в школе, но и мучила свою лучшую подругу. Гермиона не собиралась оставлять это без внимания, если бы могла помочь. Она собиралась сделать целью своей жизни уничтожение этой жалкой женщины. Гермиона вздохнула, глядя в огонь. Гарри заслуживал гораздо большего счастья. Он заслуживал лучшей жизни, чем та, что ему была уготована. Гермиона подумала, не может ли она помочь ему обрести немного счастья, и тут же вспомнила о Дафне Гринграсс, очень красивой слизеринке, которая призналась, что любит своего лучшего друга. — Я не должна вмешиваться, — сказала себе Гермиона, а в голове уже крутились мысли о том, как она могла бы помочь девушке сблизиться с ее лучшим другом.